

# **И.С. ТУРГЕНЕВ**

---

*НОВЬ*



*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ  
МОСКВА*

УДК 821.161.1-82  
ББК 84(2Рос=Рус)1-44  
Т87

Серия «Эксклюзив: Русская классика»  
Серийное оформление *А. Фереца, Е. Фереца*  
Дизайн обложки *В. Воронина*

**Тургенев, Иван Сергеевич.**  
Т87 Новь : [сборник] / Иван Сергеевич Тургенев. — Москва : Издательство АСТ, 2025. — 512 с. — (Эксклюзив: Русская классика).

ISBN 978-5-17-170736-1

Роман «Новь» — «замечательное произведение, предназначенное производить бури и волнения не один год» — был впервые напечатан в 1877 году. Очень остроумный роман и совершенно новый для Тургенева — главную роль в романе автор отвел не отдельным судьбам людей, а социальным конфликтам эпохи.

Благородный главный герой стремится во что бы то ни стало понять собственный народ и готов ради этого к любой жертве. Он отказывает себе во всем во имя высокой цели и борется с внутренними противоречиями: правильный ли выбор он делает?..

В данное издание вошли также повесть «Затишье» и рассказ «Яков Пасынков».

УДК 821.161.1-82  
ББК 84(2Рос=Рус)1-44

ISBN 978-5-17-170736-1

© ООО «Издательство АСТ», 2025

*HOBB*

---



## ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

«Поднимать следует новь не поверхностно скользящей сохой, но глубоко забирающим плугом».

*Из записок хозяина-агронома*

### I

Весною 1868 года, часу в первом дня, в Петербурге, взбирался по черной лестнице пятиэтажного дома в Офицерской улице человек лет двадцати семи, небрежно и бедно одетый. Тяжело шлепя стоптанными калошами, медленно покачивая грузное, неуклюжее тело, человек этот достигнул наконец самого верха лестницы, остановился перед оборванной полураскрытой дверью и, не позвонив в колокольчик, а только шумно вздохнув, ввалился в небольшую темную переднюю.

— Нежданов дома? — крикнул он густым и громким голосом.

— Его нет — я здесь, войдите, — раздался в соседней комнате другой, тоже довольно грубоватый, женский голос.

— Машурина? — переспросил новоприбывший.

— Она самая и есть. А вы — Остродумов?

— Пимен Остродумов, — отвечал тот и, старательно сняв сперва калоши, а потом повесив на гвоздь ветхую шинелишку, вошел в комнату, откуда раздался женский голос.

Низкая, неопрятная, со стенами, выкрашенными мутно-зеленой краской, комната эта едва освещалась двумя запыленными окошками.

Только и было в ней мебели, что железная кровать в углу, да стол посередине, да несколько стульев, да этажерка, заваленная книгами. Возле стола сидела женщина лет тридцати, простоволосая, в черном шерстяном платье, и курила папироску. Увидев вошедшего Остродумова, она молча подала ему свою широкую красную руку. Тот так же молча пожал ее и, опустившись на стул, достал из бокового кармана полусломанную сигару. Машурина дала ему огня — он закурил, и оба, не говоря ни слова и даже не меняясь взглядами, принялись пускать струйки синеватого дыма в тусклый воздух комнаты, уже без того достаточно пропитанный им.

В обоих курильщиках было нечто общее, хотя чертами лица они не походили друг на друга. В этих неряшливых фигурах, с крупными губами, зубами, носами (Остродумов к тому же еще был ряб), сказывалось что-то честное, и стойкое, и трудолюбивое.

— Видели вы Нежданова? — спросил наконец Остродумов.

— Видела; он сейчас придет. Книги в библиотеку понес.

Остродумов сплюнул в сторону.

— Что это он все бегать стал? Никак его не поймашь.

Машурина достала другую папиросу.

— Скучает, — промолвила она, тщательно ее разжигая.

— Скучает! — повторил с укоризной Остродумов. — Вот баловство! Подумаешь, занятий у нас с ним нету. Тут дай бог все дела обломать как следует — а он скучает!

— Письмо из Москвы пришло? — спросила Машурина погодя немного.

— Пришло... третьего дня.

— Вы читали?

Остродумов только головой качнул.

— Ну... и что же?

— Что? Скоро ехать надо будет.

Машурина вынула папиросу изо рта.

— Это отчего же? Там, слышно, идет все хорошо.

— Идет своим порядком. Только человек один подвернулся ненадежный. Так вот... сместить его надо; а не то и вовсе устранить. Да и другие есть дела. Вас тоже зовут.

— В письме?

— Да; в письме.

Машурина встряхнула своими тяжелыми волосами. Небрежно скрученные сзади в небольшую косу, они спереди падали ей на лоб и на брови.

— Ну что ж! — промолвила она. — Коли выйдет распоряжение — рассуждать тут нечего!

— Известно, нечего. Только без денег никак нельзя; а где их взять, самые эти деньги?

Машурина задумалась.

— Нежданов должен достать, — проговорила она вполголоса, словно про себя.

— Я за этим самым и пришел, — заметил Остродумов.

— Письмо с вами? — спросила вдруг Машурина.

— Со мной. Хотите прочесть?

— Дайте... или нет, не нужно. Вместе прочтем... после.

— Верно говорю, — пробурчал Остродумов, — не сомневайтесь.

— Да я и не сомневаюсь.

И оба затихли опять, и только струйки дыма по-прежнему бежали из их безмолвных уст и под-

нимались, слабо змеясь, над их волосистыми головами.

В передней раздался стук калош.

— Вот он! — шепнула Машурина.

Дверь слегка приотворилась, и в отверстие просунулась голова — но только не голова Нежданова.

То была круглая головка с черными, жесткими волосами, с широким морщинистым лбом, с карими, очень живыми глазками под густыми бровями, с утиным, кверху вздернутым носом и маленьким розовым, забавно сложенным ртом. Головка эта осмотрелась, закивала, засмеялась — причем выказала множество крошечных белых зубков — и вошла в комнату вместе со своим тщедушным туловищем, короткими ручками и немного кривыми, немного хромыми ножками. И Машурина и Остродумов, как только увидели эту головку, оба выразили на лицах своих нечто вроде снисходительного презрения, точно каждый из них внутренне произнес: «А! Этот!», и не проронили ни единого слова, даже не пошевелились. Впрочем, оказанный ему прием не только не смутил новопоявившегося гостя, но, кажется, доставил ему некоторое удовлетворение.

— Что сие означает? — произнес он пискливым голоском. — Дуэт? Отчего же не трио? И где же главный тенор?

— Вы о Нежданове любопытствуете, господин Паклин? — проговорил с серьезным видом Остродумов.

— Точно так, господин Остродумов: о нем.

— Он, вероятно, скоро прибудет, господин Паклин.

— Это очень приятно слышать, господин Остродумов.

Хроменький человек обратился к Машуриной. Она сидела насупившись и продолжала, не спеша, попыхивать из папироски.

— Как вы поживаете, любезнейшая... любезнейшая. Ведь вот как это досадно! Всегда я забываю, как вас по имени и по отчеству!

Машурина пожала плечами.

— И совсем это не нужно знать! Вам моя фамилия известна. Чего же больше! И что за вопрос: как вы поживаете? Разве вы не видите, что я живу?

— Совершенно, совершенно справедливо! — воскликнул Паклин, раздувая ноздри и подергивая бровями. — Не были бы вы живы — ваш покорный слуга не имел бы удовольствия вас здесь видеть и беседовать с вами! Припишите мой вопрос застарелой дурной привычке. Вот и насчет имени и отчества... Знаете: как-то неловко говорить прямо: Машурина! Мне, правда, известно, что вы и под письмами вашими иначе не подписываетесь, как Бонапарт! — то бишь: Машурина! Но все-таки в разговоре...

— Да кто вас просит со мной разговаривать?

Паклин засмеялся нервически, как бы захлебываясь.

— Ну, полноте, милая, голубушка, дайте вашу руку, не сердитесь, ведь я знаю: вы предобрая — и я тоже добрый... Ну?..

Паклин протянул руку... Машурина посмотрела на него мрачно — однако подала ему свою.

— Если вам непременно нужно знать мое имя, — промолвила она все с тем же мрачным видом, — извольте: меня зовут Феклой.

— А меня — Пименом, — прибавил басом Остродумов.

— Ах, это очень... очень поучительно! Но в таком случае скажите мне, о Фекла! И вы, о Пимен! Скажите мне, отчего вы оба так недружелюбно, так постоянно недружелюбно относитесь ко мне, между тем как я...

— Машурина находит, — перебил Остродумов, — и не она одна это находит, что так как вы на все предметы смотрите с их смешной стороны, то и положиться на вас нельзя.

Паклин круто повернулся на каблуках.

— Вот она, вот постоянная ошибка людей, которые обо мне судят, почтеннейший Пимен! Во-первых, я не всегда смеюсь, а во-вторых — это ничему не мешает и положиться на меня можно, что и доказывается лестным доверием, которым я не раз пользовался в ваших же рядах! Я честный человек, почтеннейший Пимен!

Остродумов промычал что-то сквозь зубы, а Паклин покачал головою и повторил уже без всякой улыбки:

— Нет! Я не всегда смеюсь! Я вовсе не веселый человек! Вы посмотрите-ка на меня!

Остродумов посмотрел на него. Действительно, когда Паклин не смеялся, когда он молчал, лицо его принимало выражение почти унылое, почти запуганное; оно становилось забавным и даже злым, как только он раскрывал рот. Остродумов, однако, ничего не сказал.

Паклин снова обратился к Машуриной:

— Ну, а учение как подвигается? Делаете вы успехи в вашем истинно человеколюбивом искусстве? Чай, штука трудная — помогать неопытному

гражданину при его первом вступлении на свет божий?

— Ничего, труда нет, коли он немного больше вас ростом, — ответила Машурина, только что сдавшая экзамен на повивальную бабушку, и самодовольно ухмыльнулась.

Года полтора тому назад она, бросив свою родную, дворянскую, небогатую семью в Южной России, прибыла в Петербург с шестью целковыми в кармане; поступила в родовспомогательное заведение и безустанным трудом добилась желанного аттестата. Она была девица... и очень целомудренная девица. Дело не удивительное! — скажет иной скептик, вспомнив то, что было сказано об ее наружности. Дело удивительное и редкое! — позволим себе сказать мы.

Услышав ее отповедь, Паклин снова рассмеялся.

— Вы молодец, моя милая! — воскликнул он. — Славно меня отбрили! Поделом мне! Зачем я таким карликом остался! Однако где же это пропадает наш хозяин?

Паклин не без умысла переменял предмет разговора. Он никак не мог помириться с крохотным своим ростом, со всей своей невзрачной фигуркой. Это было ему тем чувствительнее, что он страстно любил женщин. Чего бы он ни дал, чтоб нравиться им! Сознание своей мизерной наружности гораздо больнее грызло его, чем его низменное происхождение, чем незавидное положение его в обществе. Отец Паклина был простой мещанин, дослужившийся всякими неправдами до чина титулярного советника, ходок по тяжёлым делам, аферист. Он управлял имениями, домами и зашиб-таки копейку; но сильно пил под конец жизни и ничего не оставил после своей смерти. Молодой Паклин

(звали его: Сила... Сила Самсоныч, что он также считал насмешкой над собою) воспитывался в коммерческом училище, где отлично выучился немецкому языку. После различных, довольно тяжелых передрыг он попал наконец в частную контору на 1500 рублей серебром годового содержания. Этими деньгами он кормил себя, больную тетку да горбатую сестру. Во время нашего рассказа ему только что пошел двадцать восьмой год. Паклин знался со множеством студентов, молодых людей, которым он нравился своей цинической бойкостью, веселой желчью самоуверенной речи, односторонней, но несомненной начитанностью, без педантизма. Лишь изредка ему доставалось от них. Раз он как-то опоздал на политическую сходку... Войдя, он тотчас начал торопливо извиняться... «Трусоват был Паклин бедный», — запел кто-то в углу — и все расхохотались. Паклин наконец засмеялся сам, хоть и скребло у него на сердце. «Правду сказал, мошенник!» — подумал он про себя. С Неждановым он познакомился в греческой кухмистерской, куда ходил обедать и где выражал подчас весьма свободные и резкие мнения. Он уверял, что главной причиной его демократического настроения была скверная греческая кухня, которая раздражала его печень.

— Да... именно... где пропадает наш хозяин? — повторил Паклин. — Я замечаю: он с некоторых пор словно не в духе. Уж не влюблен ли он, боже сохрани!

Машурина нахмурилась.

— Он пошел в библиотеку за книгами, а влюбляться ему некогда и не в кого. «А в вас?» — чуть было не сорвалось с губ у Паклина.

— Я потому желаю его видеть, — промолвил он громко, — что мне нужно переговорить с ним по одному важному делу.

— По какому это делу? — вмешался Остродумов. — По нашему?

— А может быть, и по вашему... то есть по нашему, общему.

Остродумов хмыкнул. В душе он усомнился, но тут же подумал: «А черт его знает! Вишь, он какой пролаз!»

— Да вот он идет наконец, — проговорила вдруг Машурина — и в ее маленьких, некрасивых глазах, устремленных на дверь передней, промелькнуло что-то теплое и нежное, какое-то светлое, глубокое, внутреннее пятнышко...

Дверь отворилась — и на этот раз, с картузом на голове, со связкой книг под мышкой, вошел молодой человек лет двадцати трех, сам Нежданов.

## II

При виде гостей, находившихся в его комнате, он остановился на пороге двери, обвел их всех глазами, сбросил картуз, уронил книги прямо на пол — и, молча добравшись до кровати, прикорнул на ее крае. Его красивое белое лицо, казавшееся еще белее от темно-красного цвета волнистых рыжих волос, выражало неудовольствие и досаду.

Машурина слегка отвернулась и закусила губу; Остродумов проворчал:

— Наконец-то!

Паклин первый приблизился к Нежданову.

— Что с тобой, Алексей Дмитриевич, российский Гамлет? Огорчил кто тебя? Или так — без причины — взгрустнулось?

— Перестань, пожалуйста, российский Мефистофель, — отвечал раздраженно Нежданов. — Мне не до того, чтобы препираться с тобою плоскими остротами.

Паклин засмеялся:

— Ты неточно выражаешься: коли остро, так не плоско, коли плоско, так не остро.

— Ну хорошо, хорошо... Ты, известно, умница.

— А ты в нервном состоянии, — произнес с расстановкою Паклин. — Али в самом деле что случилось?

— Ничего не случилось особенного; а случилось то, что нельзя носа на улицу высунуть в этом гадком городе, в Петербурге, чтоб не наткнуться на какую-нибудь пошлость, глупость, на безобразную несправедливость, на чепуху! Жить здесь больше невозможно.

— То-то ты в газетах публиковал, что ищешь кондиции и согласен на отъезд, — проворчал опять Остродумов.

— И, конечно, с величайшим удовольствием уеду отсюда! Лишь бы нашелся дурак — место предложил!

— Сперва надо здесь свою обязанность исполнить, — значительно проговорила Машурина, не переставая глядеть в сторону.

— То есть? — спросил Нежданов, круто обернувшись к ней. Машурина стиснула губы.

— Вам Остродумов скажет.

Нежданов обернулся к Остродумову. Но тот только крикнул и откашлялся: погоди, мол.

— Нет, не шутя, в самом деле, — вмешался Паклин, — ты узнал что-нибудь, неприятность какую?

Нежданов подскочил на постели, словно его что подбросило.

— Какая тебе еще неприятность нужна? — закричал он внезапно зазвеневшим голосом. — Пол-России с голода помирает, «Московские ведомости» торжествуют, классицизм хотят ввести, студенческие кассы запрещаются, везде шпионство, притеснения, доносы, ложь и фальшь — шагу нам ступить некуда... а ему все мало, он ждет еще новой неприятности, он думает, что я шучу... Басанова арестовали, — прибавил он, несколько понизив тон, — мне в библиотеке сказывали.

Остродумов и Машурина оба разом приподняли головы.

— Любезный друг, Алексей Дмитриевич, — начал Паклин, — ты взволнован — дело понятное... Да разве ты забыл, в какое время и в какой стране мы живем? Ведь у нас утопающий сам должен сочинить ту соломинку, за которую ему приходится ухватиться! Где уж тут миндальничать?! Надо, брат, черту в глаза уметь смотреть, а не раздражаться по-ребячьи...

— Ах, пожалуйста, пожалуйста! — перебил тоскливо Нежданов и даже сморщился, словно от боли. — Ты, известное дело, энергический мужчина — ты ничего и никого не боишься...

— Я-то никого не боюсь?! — начал было Паклин.

— Кто только мог выдать Басанова? — продолжал Нежданов, — не понимаю!

— А известное дело — приятель. Они на это молодцы, приятели-то. С ними держи ухо востро! Был у меня, например, приятель — и, казалось, хороший человек: так обо мне заботился, о моей репутации! Бывало, смотришь: идет ко мне... «Представьте, кричит, какую об вас глупую клевету распустили: уверяют, что вы вашего родного дядюшку отравили,